

— Я слышал, что люди с параличом нижних конечностей из-за своей беспомощности не могут сами справляться со многими вещами, и с годами их характер становится особенно искаженным, а нрав — все более вспыльчивым.

— Подумать только, это довольно печально. Я слышал, что он стал парализованным еще до девятнадцати лет. — Тот человек показал на уровне груди:

— Отсюда вниз нет чувствительности.

Кто-то вздохнул:

— Очень жалко.

Остальные поддержали:

— Действительно жалко.

Затем они разошлись, каждый занялся своими делами.

Вэнь Цзыцянь, конечно, знал, что эти старики намеренно его донимают. Раньше они хоть как-то считались с Вэнь Юаньханом, но теперь, полагаясь только на него, он явно не мог их удержать.

С каждым тяжелым вдохом его грудь издавала звуки, похожие на скрип старого меха. Левой рукой, опирающейся на стол, были отчетливо видны выступившие вены. Когда дыхание немного успокоилось, он поднял голову, с трудом изобразив улыбку, больше похожую на гримасу.

— Уважаемые члены совета, мне очень жаль, что вы зря потратили время. Пожалуйста, ознакомьтесь с проектом, и если есть какие-то недостатки, сразу сообщите мне. Сроки собрания переносятся, как только дата будет определена, я лично вас уведомя.

Секретарь А-Бинь поспешил раздать документы. Некоторые члены совета с недовольством взяли их и ушли, а некоторые даже не удосужились взглянуть.

Один из старших членов совета, уходя, не стал щадить чувства Вэнь Цзыцяня и прямо выразил свое недовольство:

— Цзыцянь, мы поддержали вас на посту исполняющего обязанности председателя только из уважения к вашему отцу. Вы управляете компанией уже почти полгода, но даже не можете собрать совет директоров. Как вы собираетесь управлять компанией в будущем? Как будете вести всех к прибыли? Все знают, что у Пань Фана высокое давление, но он ведь ваш дядя. В следующий раз, когда будете собирать совет, позаботьтесь о том, чтобы он присутствовал.

Некоторые вещи можно понять, но не выразить словами. Когда факты безжалостно обнажаются, это оставляет кровавые раны. Вэнь Цзыцянь почувствовал, что его дыхание почти остановилось.

Он с трудом подавил гнев и унижение, поднял голову и с улыбкой сказал:

— Я понял, дядя Ван. В следующий раз так не будет.

Дядя Ван взглянул на правую руку Вэнь Цзыцяня, лежащую на коленях. Три пальца были закрыты черными накладками, а видимые большой и указательный пальцы были болезненно

белыми. Ребенок спрятал руку под столом, но все равно было видно, как слегка дрожит его рука. Даже если он был умным и сообразительным, с таким телом ему будет сложно общаться и вести дела в высших кругах бизнеса. Он покачал головой, сожалея, что когда-то так активно поддерживал его на посту временного генерального директора.

Когда все ушли, огромный зал заседаний опустел. Вэнь Цзыцянь долго смотрел на папку на столе, словно пытался прожечь в ней дыру взглядом.

Он пошевелил онемевшей правой рукой, дождался, когда она перестанет дрожать, и, опираясь на подлокотники кресла, приподнялся. А-Бинь хотел помочь ему с креслом, но, встретив резкий взгляд, не посмел подойти.

Он толкал кресло, лицо его было мрачным, явно предвещая бурю. Медленно и молча он двигался вперед. Недавний приступ гнева заставил его сломать ручку, которую он сжимал в правой руке. Осколки впились в ладонь, и если бы не поддерживающая перчатка, его три бесполезных пальца давно бы скрючились.

Сейчас его правая рука была бессильна, и после нескольких толчков он остановился. Подняв голову, он увидел, как в соседних офисах многие сотрудники украдкой смотрят на него. Стиснув зубы, он, преодолевая боль, въехал в лифт.

Оказавшись в лифте, он расслабился, откинувшись на спинку кресла. Спинка кресла была низковата, и, если бы не пояс, он бы точно упал на пол.

А-Бинь, обладая особым чутьем, отвез его в комнату отдыха и спросил:

— Хотите немного полежать?

Вэнь Цзыцянь устало покачал головой и тихо сказал:

— Выйди...

— Но вы выглядите неважно.

А-Бинь хотел его уговорить, но тот вдруг резко смахнул бумаги со стола и крикнул:

— Выйди!

А-Бинь испугался и поспешно ретировался.

Вэнь Цзыцянь, не имея возможности выплеснуть гнев, начал срываться на вещах на столе. Он быстро сбросил все бумаги на пол, но, сделав слишком резкое движение, сам упал на пол.

Он лежал на рассыпанных бумагах, правой рукой ударяя по полу, отчего боль пронзила его, и гнев постепенно утих.

Он положил левую руку на лоб, лежа на спине, тяжело дыша... Пролежав так долгое время, его дыхание постепенно выровнялось. Он сказал себе: «Вэнь Цзыцянь, такие неудачи — это ерунда. Эти старые козлы, я разберусь с каждым из них. Когда-нибудь они тоже будут кланяться мне и льстить».

Он утешал себя фантазиями, создавая для себя удобный путь вперед.

Он снял черную накладку и увидел, что внешняя сторона ладони была покрыта

кровоподтеками. Он надел перчатку, скрыв рану, пошевелил подвижными пальцами — было больно, но эта боль проясняла мысли.

С трудом он перевернулся и, опираясь, сел. Глядя на разбросанные бумаги, он вздохнул: «В следующий раз... в следующий раз я больше не буду срываться на бумагах».

Он, сидя на коленях, начал собирать бумаги, сидел неустойчиво, и ему приходилось опираться на пол, чтобы сохранить равновесие, прежде чем продолжить.

Он оперся на стол, стараясь подняться выше, пояс держал его спину прямо, левая рука лежала на краю стола, а правой он складывал бумаги обратно на стол.

Его правая рука могла использовать только два пальца, и за годы реабилитации их сила восстановилась, но после недавнего приступа гнева они дрожали при малейшем усилии, и боль распространялась вверх по руке. Каждый раз, поднимая руку, он стискивал зубы.

«Сам виноват», — проклял он себя мысленно.

Правая рука протестовала против жестокого обращения, и Вэнь Цзыцянь понял, что не сможет самостоятельно забраться в кресло. После четырех или пяти неудачных попыток он уже тяжело дышал, боясь, что у него начнется приступ астмы. Он покорно сел на пол и позвал А-Биня.

А-Бинь ждал снаружи. Он был с Вэнь Цзыцянем уже четыре года и хорошо изучил его характер. Он знал, что этот человек упрям, и пока гнев не выйдет наружу, уговоры бесполезны. Даже Цинь Цан мог только наткнуться на стену.

Услышав зов, он поспешно вошел и увидел Вэнь Цзыцяня, сидящего на полу. Тот уже успокоился, а разбросанные бумаги были собраны. А-Бинь окликнул его:

— Двоюродный брат.

Вэнь Цзыцянь не поднял головы, сидя на полу, он просто произнес:

— М-м.

Видимо, гнев уже прошел.

А-Бинь на самом деле был родственником Вэнь Цзыцяня по материнской линии. После того как мать Вэнь Цзыцяня ушла из дома, связь с семьей прервалась. Однако весть о том, что Вэнь Цзыцяня забрали в семью Вэнь, все же дошла до семьи Ли. А-Бинь плохо учился, был простым и честным человеком, несколько лет скитался по свету, но ничего не добился. В конце концов, он вернулся домой и занялся сельским хозяйством. Однажды он случайно услышал, как в семье говорили, что у них есть двоюродная тетя, которая вышла замуж за хулигана, а потом тот разбогател и стал известным магнатом в сфере недвижимости и электроники Вэнь Юаньханем. Тогда кто-то посмеялся над А-Бинем: «У тебя есть такой богатый родственник, зачем тебе еще работать в деревне? Мужчина, который не может заработать денег, в двадцать с лишним лет все еще холост».

А-Бинь почувствовал себя очень униженным, с грустью признавая свою неспособность. Он боролся с собой несколько дней, прежде чем решился нагло отправиться к семье Вэнь. Он слышал, что у его двоюродной тети родился сын, старший сын семьи Вэнь.

Когда он пришел в семью Вэнь, это были самые мрачные дни Вэнь Цзыцяня. Реабилитация шла плохо, тело было сильно повреждено, он стал вспыльчивым, депрессивным и замкнутым.

А-Бинь в детстве видел мать Вэнь Цзыцяня, Ли Цзясюэ. В его памяти тетя была мягкой и красивой, а Вэнь Цзыцянь был так похож на нее. Он почувствовал близость, хотя видел двоюродного брата впервые, но ощутил непонятную симпатию. Глядя на этого брата, беспомощно лежащего в постели, он с грустью сказал:

— Цзыцянь, в этом мире нет преград, которые нельзя преодолеть. Самое главное — жить. Если ты не живешь для себя, живи ради своей мамы, она смотрит на тебя с неба.

Уходя, чтобы сблизиться, он принес с собой множество фотографий Ли Цзясюэ — одиночные, групповые, все, что смог найти.

Он поднес фотографии к глазам Вэнь Цзыцяня, и тот, чей взгляд был тусклым и безучастным, внезапно оживился. Дрожащей рукой он схватил фотографию, прижал ее к груди и, заливаясь слезами, кричал:

— Мама... мама...

<http://bllate.org/book/16224/1457404>